

Н. Б. Граматчикова, Н. В. Веселкова*

**«КУСКИ КАКОГО-ТО ЕЩЕ НЕ РЕАЛИЗОВАННОГО ПЛАНА»:
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ
В УРАЛЬСКОЙ ОЧЕРКИСТИКЕ И ПРОЗЕ 1930-х гг.**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-112-121

УДК 82.09(470.5):82-43

ББК 83.3(235.55)

Альтернативная история рассматривается в статье на материалах художественно-публицистического осмысления индустриализации Урала, характерного для 1930-х гг. Выделены три ракурса альтернативности: во-первых, «неслучившееся будущее» — запланированные, но не изданные тексты об Урале М. Пришвина, Л. Алпатова, Б. Пастернака, И. Эренбурга, во-вторых, «будущее-в-настоящем» — мобилизационный и пропагандистский, агитационный проект привлечения населения на стройки индустриализации, реализованный в очеркистике А. Маленького и Н. Ловцова, и, в-третьих, «сотворение настоящего» — художественное целое, родившееся из документальной и топографической точности и воли писателя, направляющего героев к необходимому эпохе финалу. В последнем случае альтернативность состоит в разнообразии образов настоящего, которое существовало внутри литературных и журналистских кругов, но не достигло полноты публичного воплощения, либо в проявленности авторской воли, буквально переписывающей историю событий, известную по другим источникам. Л. Овалов и В. Федосеев — авторы романов, оставшихся малоизвестными, — творили «настоящее настоящее», которое войдет в историю и останется в воспоминаниях потомков как славное прошлое. Системная прозорливость представленного периода продуктивно рифмуется со встречным движением современной интеллектуальной истории — с ее интересом к «побежденным альтернативам» (по С. Экшуту) и исследованиями «динамики коллективных конструктов памяти» (по А. Ассман), формирующихся в символических знаках эпохи и выступающих в качестве культурных образов для следующих поколений.

Ключевые слова: очерк, производственный роман, индустриализация, альтернативная история, Урал

Введение

Художественное произведение, работая с вымыслом, так или иначе ограничено историческим контекстом и тем или иным образом с ним соотносится. В моменты, когда динамика социальных изменений превышает возможность полноценной проработки всего спектра возможных вариантов воображаемого будущего даже на бумаге, возникают «сгустки смыслов», остающиеся вне мейнстрима эпохи. В неопубликованных или уничтоженных позднее произведениях, эго-документах и т. п. можно обнаружить образы будущего,

обладающие мощным потенциалом, эстетическим, предсказывающим и др. Эти перспективные образы — те, что читались тогда как проекты будущего, сегодня предстают в качестве альтернативных, то есть вероятных, но не реализованных сценариев развития событий. Отметим, что рассматриваемые нами авторы 1930-х гг. не воспринимали свои тексты в духе альтернативной истории — так постфактум распорядилось время. Тем не менее устремленность в будущее, характерная для литературы 1920–1930-х гг., поддерживает отмечаемую исследователями связь альтернативной истории с художественной фантастикой¹ и далее с утопией и антиутопией.²

Ориентация массовой литературы рубежа 1920–1930-х гг. на воплощение социального идеала в слове — до и помимо реализации «в деле» — позволяет говорить о целом ряде

Грамматчикова Наталья Борисовна — к.филол.н., с.н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Веселкова Наталья Вадимовна — к.социол.н., доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: vesselkova@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 21-011-43019 «Мечты и память: нарративные ландшафты больших уральских городов (1960–1980)» (рук. М. Н. Вандышев)

¹ См.: Альтернативная история. СПб., 2012.

² См.: Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А. Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х 2000-х гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 4. С. 50–58; Путило О. О. О жанровых границах отечественно-альтернативно-исторического романа // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 181–186.

«уральских» текстов, представляющих собой широкий спектр художественно-публицистической реализации «альтернативных» идей, — от однодневных агиток до произведений крупной формы со сложным утопическим содержательным и эстетическим планом. Укорененность утопии в искусстве отмечал Б. Гройс: «Произведение искусства издавна служило образцом того, каким мир должен быть целостным, гармоничным, трагичным, возвышенным, свободным, изящным».³ Гройс обращает внимание на отождествление реальности и искусства в поздние 1930-е гг., видя глубокое родство в практиках работы идеологов эпохи: мир всегда предстает как материал, оказывающий нужное художнику сопротивление; акт созидания нового подразумевает относительность уже созданного, способность к дальнейшей трансформации и некий иррациональный, эстетический момент, неотъемлемо присущий творческому акту.⁴ При этом художник обычно выполняет роль посредника между игрой и «архивом уже фиксированного языкового опыта», вводя в искусство элементы маргинального, социально не привилегированного, экзотизированного в качестве материала для создания собственной версии мира.⁵

Авторы статьи прослеживают, каким образом в литературе 1930-х гг. эстетическое осмысление прежних и новых реалий выстраивало новый исторический контекст. С современными произведениями, по мнению О. О. Путило, ее роднит стремление «исправить» известный всем ход событий, создать альтернативный мир», подразумеваемое самим понятием альтернативной истории.⁶ Принципиальное отличие состоит, во-первых, в том, что анализируемая литература 1930-х гг. «исправляет» не столько прошлое, сколько настоящее, стремительно архивируемое усилиями современников — агентов скоростных изменений.⁷ Во-вторых, независимо от баланса художественности/документальности тексты строятся как выражение реальной, подлинной жизни, поданное в правильном свете. Такого рода тексты выполняли важную массовую дидактическую задачу эпохи — учили видеть и вос-

принимать то, чего «еще нет, но что будет», используя выражение В. Гоффеншефера. Этот критик 1930-х гг., убеждал литераторов не «влачиться на буксире» у происходящего, но непременно «вступать в соревнование с действительностью».⁸

Подобная системная прозорливость изучаемого периода, как представляется, продуктивно рифмуется со своего рода встречным движением современной интеллектуальной истории, а именно ее интересом к «побежденным альтернативам». С. А. Экштут выразился следующим образом: «Отвергнутые возможности не исчезают бесследно: они остаются в историческом предании и в исторической памяти».⁹ А. Ассман, разрабатывая проблематику взаимодействия разных типов памяти, пишет о важности исследования «динамики коллективных конструктов памяти», формирующихся в символических знаках эпохи и выступающих в качестве культурных образов для следующих поколений.¹⁰

Материалами нашего исследования являются неопубликованные заметки и рукописи журналистов и писателей, хранящиеся в архивах, а также опубликованные очерки, путеводители и повести, некоторые из которых разделили трагические повороты судеб своих создателей и были надолго изъяты из активного читательского обращения. Объектом интереса в них выступают литературные образы Урала 1930-х гг., концентрирующие в себе те самые «побежденные» альтернативы.

С позиций сегодняшнего дня «альтернативность» этих литературных образов можно рассматривать в следующих аспектах:

1. «неслучившееся будущее»: альтернативность видения, оставшаяся невоплощенной в силу того, что авторы, приглашенные к творению истории, предпочли промолчать об увиденном;

2. «будущее-в-настоящем»: изображение иного, альтернативного по отношению к предыдущей логике развития истории в очеркостике «больших строек», актуальное для авторов эпохи и читателей (потенциальных первостроителей); образы, должны увлекать и убеждать в собственной реалистичности;

³ Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 5.

⁴ См.: Там же. С. 9–11.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Путило О. О. Образ альтернативной России в альтернативно-исторической фантастике // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 152.

⁷ О парадоксе авангарда см.: Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М., 2016.

⁸ Гоффеншефер В. Соревнование с действительностью // О советской литературе: критические статьи. М., 1936. С. 40. Цит. по: Добренко Е. Политэкономика соцреализма. М., 2007. С. 105.

⁹ Экштут С. А. Битвы за храм Мнемозины: очерки интеллектуальной истории. СПб., 2003. С. 141.

¹⁰ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 304.

3. «творение настоящего»: фиксация исторической реальности с отчетливой «писательской правкой», ставящая проблему соотношения документальности и фикциональности.

*«Окаянная жизнь» «железных людей»:
немота как альтернатива*

Для прославления преобразования Урало-Кузбасса в ходе первой пятилетки местные власти привлекали самых известных мастеров, однако далеко не всем новостройкам удалось заполучить такие звонкие образы, какие появились у Кузнецкстроя благодаря В. Маяковскому («Я знаю, город будет...»), у Магнитогорска благодаря В. Катаеву («Время, вперед!») и Б. Ручьеву. Свердловск с его гигантом Уралмашиностроем тоже претендовал на подобное, если не большее, место на создаваемой культурной карте.

В начале 1931 г. по заданию горьковского журнала «Наши достижения» М. Пришвин побывал в Свердловске на строительной площадке Уралмаша. Дневник Пришвина сохранил выразительные записи о полученных впечатлениях — не только опыт немоты и ужаса от «окаянности» нового мира Свердловска, но и беседы с крестьянами на стройплощадке, в которых возникают классические (Пифия) и литературные образы гаданий (гоголевское «доедет / не доедет колесо» звучит здесь как «достроят / не достроят завод») и фиксируются новые отношения «центра–периферии», так как теперь «фронт» оказался в глубине России, а Москва представляется «тылом».¹¹ В итоге, однако, кроме фотографий, никакого материала о достижениях индустриализации на Урале от Пришвина так и не поступило.

Через полтора года, летом 1932 г., в Свердловск по приглашению Уралобкома ВКП(б) прибыл Б. Пастернак с семьей. Принимающая сторона старалась создать все условия, поселив гостей сначала в гостинице, затем на даче на берегу Шарташа, с прикреплением к лучшим столовым, но писатель, по его собственному выражению, вскоре «удрал со всех ног», не в силах выносить просьбу о куске хлеба от голодных крестьян.

Осенью 1932 г., собирая материал для будущего романа, через Свердловск проезжал И. Эренбург. Если верить газетам, предполагался его повторный визит с целью описать столицу Урала, как мы сегодня знаем, несо-

стоявшийся.¹² В 1934 г., удостоенный места в президиуме I съезда ССП, Эренбург с высокой трибуны объяснял, что его роман «День второй», созданный по результатам поездки на Кузнецкстрой, с тем же успехом мог быть написан о любой другой стройке. Интерес для него состоял в изображении сути культурных трансформаций, идущих «вширь, а не вглубь», а не конкретных мест и деталей.

В 1934 г. по приглашению Уральской редакции «Истории фабрик и заводов» (ИФЗ) на Урал — в Свердловск, затем в Лысьву — приезжает Л. Алпатов, сын М. Пришвина.

Поясним, что ИФЗ (1931–1938 гг., фактически — 1932–1937 гг.) действовала как сетевое предприятие во многих индустриальных регионах страны. Уральская редакция была одной из самых сильных, однако за весь период вышло лишь три полноценных издания, из которых только одно — «Были горы Высокой» — непосредственно отвечало замыслу. Подготовлено же было на порядок больше: материалы по истории заводов в Добрянке, Златоусте, Ирбите, Магнитогорске, Мотовилихе (Пермь), Надеждинске (Серов), Невьянске, Нижнем Тагиле, Первоуральске, Свердловске (Верх-Исетский завод и Уралмаш) осели в архивах.¹³ В ходе работы по ИФЗ собирали воспоминания и документы, проводили коллективные читки-обсуждения черновых фрагментов, печатали в местных газетах фрагменты повестей — и на этом дело кончалось. Сам перечень местных редакций ИФЗ суть печальный список нереализованных проектов, часть из которых была практически готова к печати.

На примере Л. Алпатова хорошо виден системный характер проблем этого проекта, даже если поначалу все выглядело как обычное согласование планов. Так, 16 сентября 1934 г. Алпатов получил от главы уральской редакции ИФЗ П. Новлянского письмо с указанием в истории Лысьвенского завода непременно показать руководящую роль большевиков в лысьвенской забастовке,¹⁴ фундаментальная невозможность чего нашла отражение в дневниковой записи М. Пришвина от 29 апреля

¹² См.: Веселкова Н. В. Что делал Эренбург в Свердловске? (О поездке 1932 года) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2018. С. 372–381; Веселкова Н. В. «Ничего другого сказать не мог»? Встреча И. Г. Эренбурга со свердловским партактивом 16 октября 1932 года // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 1. С. 225–258.

¹³ Фонд ИФЗ по Урало-Кузбассу в ГАРФе состоит из 796 дел, где львиная доля принадлежит именно Уральской редакции (ГАРФ. Ф. Р7952. Оп. 5).

¹⁴ См.: ГАСО. Ф. Р318. Оп. 1. Д. 4. Л. 174–174об.

¹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб., 2006. С. 331–335.

1935 г.¹⁵ Задача показать большевистское руководство при фактической стихийности лысьвенских событий не была решена, текст остался неизданным.¹⁶

«Билет в будущее», или «Праздник не с утра, а с ночи»: очеркистика Н. А. Ловцова и А. Маленького

В социокультурных процессах индустриализации воображаемое выступало наравне с реальным, играя решающую роль при обсуждении архитектурных проектов эпохи,¹⁷ формировании нового отношения к труду и личной профессиональной идентичности и т. п. Принципиальная вариативность оказывалась возможной за счет исключительной туманности желаемого будущего: окончательного, готового образа не существовало не только на уровне конкретных архитектурных проектов,¹⁸ но и при общем планировании. Поэтому речь идет не о внедрении готовой образности в формируемый культурный ландшафт, но скорее о ее возникновении и постоянных трансформациях в изучаемый период.

Общесоветская тенденция обеспечивать пропагандистскими текстами пуск любого крупного объекта приводила к тому, что автору приходилось писать об ожидаемом завтрашнем дне, корректируя материал по мере продвижения строительства. Концептуализация нового объекта происходила фактически до того, как реальность предлагала некий «продукт» для осмысления.¹⁹ Яркими примерами «новой разметки» индустриального ландшафта Урала периода первой пятилетки могут служить очерки местных журналистов Алексея Маленького и Николая Ловцова. В са-

мых названиях их брошюр («Каким будет магнитогорский комбинат» и «К большому Уралу») заключена устремленность в будущее, где города как сложные инфраструктурные объекты вытесняются на периферию авторского интереса, уступая авансцену строящимся заводам, шахтам, комбинатам.

Документальная брошюра А. Маленького, выпущенная в 1931 г. в Москве 50-тысячным тиражом, практически сразу была переведена на немецкий и английский языки.²⁰ Редакторское предисловие сообщает, что Маленький взялся за работу по приглашению информационно-издательского отдела Магнитостроя. В 1933 г. уже в Свердловске вышло второе издание, без фотоиллюстраций: в предисловии к этой брошюре 5-тысячного тиража Маленький поясняет, что это «технико-экономический очерк о Магнитогорском комбинате, каким он будет, когда полностью вступит в строй».²¹ Вполне дежурный текст нарушает указание на «некоторую трудность» описания:

«Сегодня автор пишет о многих вещах, которые еще будут, а пока книга печатается да доходит до читателя, — это уже выстроено и существует», поэтому «часто глагол “будет” надо толковать как “есть”».²²

В конце текста Маленький высказывается в адрес собственно города, характеризуя его как «едва ли не самый неблагоприятный участок Магнитогорского строительства», связывая это с драматическим изменением плана застройки, когда селитьбу внезапно перенесли с одного берега реки на другой:

«В 1-м издании брошюры был описан город в том виде как его предполагали строить на левом берегу реки Урала. Город тут начинали строить, и выстроили несколько десятков зданий. Однако позднее появилась потребность в переработке планов, и сейчас такая переработка происходит».²³

¹⁵ См.: Пришвин М. М. Дневники. 1932–1925. СПб., 2009. С. 627, 628.

¹⁶ В ГАРФе отложился машинописный экземпляр в 141 лист под названием «Рукопись Алпатов “1914 год”, забастовка 15 марта» и еще 50 листов подготовительных материалов: ГАРФ. Ф. Р7952. Оп. 5. Д. 133, 134. Также осели в фондах Уральской и Главной редакций ИФЗ некоторые рукописи Владимира Федосеева: ГАСО. Ф. Р318. Оп. 1. Д. 44 (В. Федосеев. Повесть «Обратный удар»); ГАРФ. Ф. Р7952. Оп. 5 (Д. 740. Федосеев В. «Обратный удар»; Д. 741. В. Федосеев. «Ну и пусть»). Гл. 3; Д. 743. В. Федосеев: отдельные главы из книги «Уралмаш»; Д. 744. 1. Новая родина. 2. Д В К).

¹⁷ См.: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. М., 1996. Кн. 1.

¹⁸ Об этом на примере Уралмаша см.: Ильченко М. Архитектура слова. Символические трансформации советского архитектурного авангарда в публичной риторике // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167). С. 7–18.

¹⁹ Подобный случай на уральском материале описывает Подлубнова Ю. С. См.: Подлубнова Ю. С. Фантастическое, утопическое и историческое в романе Н. Ловцова «Канал» (1933) // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2013. Вып. 7. Т. 2. С. 291–296.

²⁰ См.: Маленький А. Магнитогорск. Каким будет магнитогорский металлургический комбинат. М.; Л., 1931; Malenki A. Magnitogorsk. Moskau, 1932; Malenky A. Magnitogorsk: The Magnitogorsk metallurgical combine of the future. M., 1932.

²¹ Маленький А. Магнитогорск. Свердловск, 1933. С. 5.

²² Там же. С. 4.

²³ Там же. С. 5. О радикальности изменения см., напр.: Altrock U. The lost centre: Magnitogorsk revisited // Journal of Urban Design. 1998. Vol. 3, iss. 2. P. 201–224; Меерович М. Г., Кобышева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М., 2011; Кобышева Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток: на примере Магнитогорска. М., 2012. Вариант обзора см.: Макарова Н. Н. Жилищное строительство в Магнитогорске в 1953–1964 годах // Вестник Удмуртского университета. Сер.: «История и филология». 2019. Т. 29, № 1. С. 37–45.

Что в этой ситуации делать с первоначальным описанием? С пробивающимся через казенные формулировки раздражением Маленький скупко сообщает: «Мы исключили из брошюры описание города, сохранив его только в общих чертах. Уральское отделение Огиза предполагает посвятить городу Магнитогорску особую книжку тотчас, как планы строительства города получат окончательное решение».²⁴ Вероятно, «снижение статуса» второго издания вызвано именно этой зашкаливающей изменчивостью при сохранении установки на документальность.

Прагматическая направленность очеркистики 1930-х гг. хорошо прослеживается у Н. Ловцова. Его путеводители призваны очаровать «пролетарских туристов»²⁵ поэтикой грандиозных перемен, лишь угадываемых в контурах котлованов и первых пущенных в строй цехах — «станциях» новых туристических троп Урала.²⁶

Очеркистика примечательна и тем, что в ней образ повествователя гораздо ближе к автобиографическому автору, нежели в художественной литературе, где автор остается вне созданного его воображением мира. Эмоциональный режим ловцовских очерков прямо отсылает к платоновским опасениям относительно состояния одержимости у творца (*mania*). Лихорадочное оживление охватывает автора и весь окружающий мир: поезд «рвется, спешит» «по взбудораженной земле» на северо-восток, «жадно пожирая километры рельс».²⁷ Везде толчея и сутолока, нет путей для прибывающих составов, не хватает мест в гостиницах; стройплощадка — поле, «изрытое котлованами, гнездами будущих цехов», где «тысячи людей, сотни подвод копошились в глинистых рвах»;²⁸ заводской поселок — «рытвины, котлованы, кучи камня, бочки с цементом, и везде лес».²⁹ Кажется, что в прекрасное «завтра» возьмут не всех просто за недостатком места в нем. Аффекты стихийного бедствия слиты с народным ликованием.

Милитарный дискурс индустриализации оформлен лихорадочным темпом работ и взвинченным состоянием строителей. «Везде... создавались, росли, выстраивались в батальоны, полки, формировались новые, невиданные промышленные дивизии»;³⁰ оживление охватывает и механизмы: «...лихорадочно заскрежетали губы французских ключей, гайки с жадным визгом влезли на болты».³¹

Общий для эпохи и ситуации «первостроительства» мотив борьбы с косными силами природы и прошлого отражается и в принуждении по отношению к собеседнику: автора «тянут за рукав», ведут напролом по лужам и грязи, оглушают телефонными звонками. Картина будущего Урала включает в себя управление через насилие: «Не думай, это не тайга, это не гребни серого известняка, здесь будущее Урала. Мы ухватились за нутро гор, поймали сердце и уже ему приказываем, как оно должно биться. Удары пульса будут не его, а наши...»³² Дискурс модернизации включает в себя ускорение времени: то, что старые рабочие осуждают как «горячку» и «лихоманку», автор превозносит как набранные в Свердловске «темпы быстрее человеческой мысли».³³

А. Ассман отмечает, что модернизация не отвергает, но часто включает в себя мифотворчество, ибо «может подразумевать взгляд на историческое событие “через призму идентичности”; в этом варианте миф означает *аффективное* усвоение истории».³⁴ Массовая очеркистика 1930-х гг. являет собой примеры подобного аффективного письма, когда «включенные на всю громкость» эмоции и чувства (злорадный хохот, досада, психоз, подозрительность, аморализм, нетерпение, склонность к рывку и риску) прежде всего маркируют зоны сближения будущего и прошлого — еще вполне осязаемого, как купеческие дома, часовни и церкви, но быстро ветшающего в роли ненужного хлама.

Для общества, настроенного на модернизацию, по мысли А. Ассман, забвение становится центральным элементом культуры (одновременно со стремлением увековечить некоторые события прошлого). К жестким формам забвения А. Ассман относит отбор, отбрасывание и уничтожение, к мягким — пренебрежение,

²⁴ Маленький А. Магнитогорск. Свердловск, 1933. 2-е изд. С. 5.

²⁵ Граматчикова Н. Б. Пролетарский турист как адресат путеводителей: формирование историко-культурного ландшафта индустриального Урала в очерках Н. Ловцова 1930-х гг. // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института. Екатеринбург, 2019. С. 22–29.

²⁶ См.: Ловцов Н. По горнозаводскому Уралу. М.; Л., 1931.

²⁷ Там же. С. 4.

²⁸ Там же. С. 7, 8.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Там же. С. 5.

³¹ Там же. С. 14.

³² Там же. С. 10.

³³ Там же. С. 30.

³⁴ Ассман А. Указ. соч. С. 39.

деформацию и потерю.³⁵ Уральская очеркистика 1930-х гг., действуя в русле общесоветских тенденций, дает примеры того, насколько сложным становится эмоциональный фон социума, порождающего условно мягкие формы, как сложно вернуться после него к обычным речевым и эмоциональным регистрам.

Итак, очеркистика 1930-х гг. выстраивала аффективно-убедительные образы будущего, сердясь и недоумевая, когда реальность избирала не тот путь либо просто жила по инерции. В конечном счете подавляющее большинство промышленных начинаний эпохи первой пятилетки не продержались даже до ее окончания, тогда как тексты об экспериментах времен индустриализации и коллективизации перешли в латентное состояние благодаря существованию институциональных хранителей памяти — библиотек и архивов — дожили до наших дней и стали составной частью новой локальной идентичности, поскольку их пионерский задор оказался созвучнее желаниям людей солидаризироваться не с трагическими, но с условно позитивными, пусть и недолгими, попытками модернизации территории.

*«А здесь он видел совсем иных людей,
совсем иное утро»: Уралмаш в повестях³⁶
В. Федосеева и Л. Овалова*

Хронотоп уральской очеркистики отражает эмоциональный надрыв и сбитые природные ритмы: в ловцовском Златоусте в праздничный день солнцу «нечего было делать, люди не спали, будить было некого».³⁷ В художественных текстах об индустриализации одной из ключевых метафор станет утро.

Ни одного «хрестоматийного» произведения по периоду строительства Уралмаша в истории литературы не осталось, поэтому все написанное, но не прожитое полноту литературной судьбы, можно считать своего рода альтернативным сценарием художественной реальности. Анализируемые далее тексты — повести «Обратный удар» Владимира Федосеева и «Зина Демина» Льва Овалова, — на наш взгляд, обладают особым, усиленным запасом альтернативности за счет программной перформативной установки литературной деятельности той поры.

³⁵ См.: Там же. С. 52.

³⁶ Вопрос о жанровой дефиниции текстов Ловцова и Федосеева остается открытым, мы же остановились на жанре повести, следуя за авторской волей Ловцова при поздней публикации текста и тем, как Федосеев определял публикуемые им в периодике фрагменты будущего произведения.

³⁷ Ловцов Н. К большому Уралу. М.; Л., 1931. С. 21.

Повесть В. Федосеева, законченная и отпечатанная на пишущей машинке, хранится в фонде ИФЗ в ГАСО и ГАРФе. Биографических сведений об авторе почти нет, соратники по литобъединению характеризуют его как «уралмашевского сварщика» механического цеха,³⁸ на снимке в «Правде» видим лицо мужчины лет 25–30.³⁹ Можно определенно говорить о глубокой интеграции Федосеева в производственный процесс, его активном сотрудничестве с заводской многотиражкой и редакцией ИФЗ на Уралмашинстрое.⁴⁰

Л. Овалов к началу 1930-х гг. имел богатый столичный журналистский опыт. Сюжет его повести связан с уралмашевскими реалиями: легко узнаваема история пребывания на «заводе заводов» Цзян Цзинго, сына китайского коммуниста Чан Кайши, и его женитьбы на Фаине Вахревой, работнице Уралмашзавода.⁴¹ «Зина Демина» была опубликована в Свердловске в 1937 г., а затем в 1941 г. в Москве,⁴² но после ареста автора изъята из библиотек, уцелели единичные экземпляры. Десятилетия спустя, когда Овалов получил всесоюзную известность как автор детективов о майоре Пронине, повесть переиздавалась под названием «Утренняя смена».

Ни у Федосеева, ни у Овалова Уралмаш и Свердловск не названы, речь идет об обобщенном строящемся заводе и заводском поселке, однако Урал как регион присутствует под своим именем у Федосеева и получает подробную характеристику. Сюжет обоих произведений разворачивается вокруг производственного конфликта между «новым (ой) рабочим (ей)» (у Федосеева это Трубин, возможно, имеющий автобиографические черты; у Овалова — Зина Демина) и его антагонистом — «первым автогенщиком Урала», корыстным единоличником Рябининым у Федосеева и эгоистичным инженером Грузом у Овалова. Оптимистическое будущее, собственно, и рождается из энергии

³⁸ См.: Бусыгин А. Что горит в нашем сердце // Вспомогательные материалы к журналу «Уралмашевские голоса». Екатеринбург, 1994. Вып. 2. С. 3–6.

³⁹ См.: Федосеев В. Бригадир Аникеев // Правда. 1933. 23 дек. № 357. С. 3.

⁴⁰ См., напр.: ГАСО. Р. 318. Оп. 1. Д. 4. Л. 151 (Новлянский П. — Культпропу Свердловского ОК ВКП(б) 28.04.34); Федосеев В. Ветер // За тяжелое машиностроение. 1935. 11 нояб. № 255.

⁴¹ См. об этом подробнее: Baron J. The Cog That Slipped: Chiang Ching-kuo's Russian Odyssey // The Diplomat. October 2018. Iss. 47. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/the-cog-that-slipped-chiang-ching-kuos-russian-odyssey> (дата обращения: 03.05.2022).

⁴² Овалов Л. С. Зина Демина: роман. Свердловск, 1937; Он же. Зина Демина: повесть. М., 1941; Замостьянов А. Лев Овалов и майор Пронин // Литературная Россия. 2010. № 47. 23.02.2015. URL: <https://litrossia.ru/item/4753-oldarchive/> (дата обращения: 03.05.2022).

этого противостояния и определяется исторической правотой положительных героев.

«Альтернативность» уралмашевских текстов Федосеева и Овалова имеет разную природу. Рукопись Федосеева открывает возможную, но не состоявшуюся тональность описания процесса индустриализации «на местах». Насыщенный деталями, топографически точный, роман согрет семейным теплом. Человеческая приязнь и привязанность, помещенные в нормализуемые эпохой обстоятельства отсутствия элементарных удобств, не говоря уже о бытовом комфорте, пересиливают холод, ветер и разлуку. Как в 1935(?) г. написал об Уралмаше Федосеев, позднее писать уже было нельзя: производственный поединок передовика и «частника» продолжался, но декорации были утверждены совсем иные.

Трудовые будни бригады автогенщиков, под руководством бригадира Трубина изобретающих супер-резак для обработки так называемых прибылей (части литых деталей, которые удалялись перед дальнейшими этапами производства), проходят в темных, холодных цехах, где энтузиасты-рабочие сжигают светом сварки глаза и дышат дымом и копотью. Заводской поселок показан более реалистично-приземленно, пытающимся выстоять в борьбе со всеми стихиями сразу: морозом, ветром и хозяйственной неорганизованностью.

Мрачная тональность наброска повести «Ветер»,⁴³ где человеческое упорство противостоит хищному хозяину Урала — ветру, — в итоговом варианте дополняется стихией огня (автогенщик/сварщик — повелитель пламени, прямой наследник владельца огненного меча — архангела Михаила)⁴⁴ и смягчается комическими моментами еще не организованной институционально детской и поселковой жизни: между бараками бродят обросшие за зиму мехом коровы, дети играют с пьяными, самостоятельно добывают себе самокаты из прибывших на строительство товаров и т. д.

Участь первостроителей — не только гореть на производстве, но и ежечасно приспосабливаться, разгадывая план, в тайнства которого их никто не собирался посвящать. Если корпус воспоминаний проектировщиков завода (изрядно выбитых репрессиями) дает картину «мозгового штурма» в отношении того,

как за короткие сроки возвести грандиозные промышленные объекты при отсутствии аналогичного опыта,⁴⁵ то в повести Федосеева мы обнаруживаем попытки проникновения в замысел архитекторов со стороны рабочих — жителей поселка, растворенные в повседневных маршрутах: «Трубин читал цифры на фанерных дощечках; они располагались в странном порядке... видимо дома нумеровались в той последовательности, как они возникали. А может быть эти дощечки означали кварталы? Или это были куски какого-то еще не реализованного полностью плана и пустоты между цифрами будут заполнены домами?»⁴⁶

Таким образом, альтернативность дискурса повести Федосеева лежит более всего в сфере художественного: архаизация быта при высоких темпах перемен поднимает пласт стертых позднее из публичного памятования «примет времени».

Повесть Овалова намного глубже вписана в собственно литературный контекст; ее альтернативность — не только в прерванной литературной судьбе, но и в той «редакторской правке» реальности, осуществленной автором, направления и глубину которой можно достаточно легко установить, располагая информацией о реалиях строительства в середине 1930-х гг.

Рассказ о преображении девушки из глухой раскольничьей деревни в передового рабочего, овладевающего ресурсами производства, времени и культуры, изначально моделирует собственную реальность (пусть и не индивидуальную, а отражающую тенденцию эпохи) и настлан «поверх земли», как деревянные мостки над глинистой распутицей. Текст вбирает в себя конфликты, легитимированные политическим и литературным контекстом: стахановка против инженера-перестраховщика (Зина и Груз), шпионы и предатели разных мастей (старик-японец, кореец Цой, Халанский), история соблазнения и несчастной любви (Тамара и Груз). Все это обогащает основную линию «романа воспитания» Зины Деминой, где ее работа на станке и взаимоотношения с образованным китайцем Чжан Чжоу становятся определяющими факторами ее личностного развития. В финале Зина расстается с мужем, уезжающим в Китай, — ведь роль «просто жены» рав-

⁴³ Федосеев В. Ветер // За тяжелое машиностроение. 1935. 11 нояб. № 255.

⁴⁴ См.: Он же. Обратный удар // ГАСО. Ф. Р318. Оп. 1. Д. 44. Л. 189.

⁴⁵ Воспоминания Е. Балакшиной, В. Шириевой и др. см.: Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Первостроители Уралмаша как перформативный проект: конструирование заводской идентичности. М.; Екатеринбург, 2021.

⁴⁶ Федосеев В. Обратный удар. Л. 76–77.

носильна для нее «отказу от завтрашнего дня своей замечательной родины».⁴⁷

Такая прямота сюжетной линии значительно смягчена природным антуражем, в котором разворачивается действие: лес и заводской поселок перетекают друг в друга, и иерархия лесных троп — просеки (будущей улицы) — деревянных тротуаров — мощенных булыжником мостовых — представляет собой нанесенный на местность маршрут развития.

При всей пропагандистской прямолинейности «Зина Демина» обладает потенциалом альтернативного прочтения в отношении как минимум двух моментов. Это, во-первых, безнравственность доведенной до абсолюта принципиальности. В адрес главной героини не слишком симпатичный персонаж второго плана пару раз замечает, что «Ради своего принципа она любым человеком пожертвует».⁴⁸ Во-вторых, это гибельность рекордомании. Подруга Зины погибает, неудачно прыгнув с парашютом. Мотивом выступает отчасти недостойное поведение ее кавалера, однако тут же подробно выписана сцена, где Зина отговаривает подругу от прыжка, но та не желает отступить, чтобы все рекорды не достались Зине. Конечно, эти смыслы бросаются в глаза из перспективы сегодняшнего дня, но мы не стали бы исключать подобного прочтения и современниками.

В крупных прозаических формах урбанистическое, промышленное и природное, стихийное, органическое находятся в состоянии динамического взаимного влияния,⁴⁹ чаще всего — еще неразделенной и неподконтрольной диффузности.

Титанические усилия по воображению нового мира остались в социальной памяти как

полузабытые знаки тектонических изменений социального и индустриального ландшафта. Объединяет их исключенность из «исторического», если под таковым понимать воплощенность в «состоявшейся» реальности. Каждый из трех анализируемых аспектов альтернативности («неслучившееся будущее», «будущее-в-настоящем», «сотворение настоящего») таких произведений-знаков несет следы «исключенности»: в одном интерпретатор не смог произнести значение, привидевшееся ему в «командировке на место строительства», в другом описанный в деталях объект так и не воплотился в действительности, третий функционировал по правилам, часть из которых потеряла легитимность по идеологическим причинам. Тексты 1930-х гг. фиксируют именно усилия: собирание, нацеливание и устремление, воплощенные в планировке улиц, лучами сходящихся к площади Первой пятилетки у В. Федосеева, и движении героев из лесной чащи к праздничному зрелищу утренней заводской смены у Л. Овалова.

В качестве одного из наиболее востребованных свойств эпохи тексты указывают на «прозорливость»: народных интуиций чаёт Пришвин, беседуя с «первыми людьми» в землянках Уралмашиностроя, дар предвидения определяет профпригодность технических специалистов в ситуации, когда «так просто это видеть нельзя. Там на земле еще нет ничего».⁵⁰ Альтернативные варианты литературных образов Урала индустриального остались явлениями, соединяющими будущее с прошлым через собственное настоящее, от которого они нередко бежали в оглушенной немоте, или с которым боролись, ставя на кон всю свою удачу.

Natalia B. Gramatchikova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Natalia V. Veselkova

Candidate of Sociological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: vesselkova@yandex.ru

⁴⁷ Овалов Л. С. Зина Демина: роман. С. 127. Прототип Зины — Фаина Вахрева — уехала в Китай с мужем.

⁴⁸ Там же. С. 48.

⁴⁹ Об органическом и культурном у Овалова и Федосеева см. подробнее: Граматчикова Н. Б. История завода в эго-документах и художественных текстах // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. М.: Екатеринбург, 2021. С. 87–118.

⁵⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. С. 334.

“FRAGMENTS OF SOME NOT YET REALIZED PLAN”:
UNDERSTANDING OF HISTORY IN THE URAL ESSAYS AND PROSE OF THE 1930S

The article considers the comprehension of the Urals industrialization in the fiction and non-fiction texts. The authors reveal three perspectives of alternative history: firstly, “future that did not happen” — planned but not written texts about the Urals by M. Prishvin, L. Alpatov, B. Pasternak, I. Ehrenburg, secondly, “future-in-present” — propagandistic projects of recruiting people to build new factories (the essays of A. Malenky and N. Lovtsov), and thirdly, “the creation of the present” — a piece of art, born from topographical accuracy and the author’s transforming will. In the latter case, alternativeness consists in the variety of images of the present, which existed within literary and journalistic communities, but did not reach their full public embodiment, or in the manifestation of the author’s will, literally rewriting the current moment. L. Ovalov and V. Fedoseev created the “real present”, which would go down in history and would be remembered by posterity as a glorious past. The systemic clairvoyance of the 1930s corresponds with the counter-movement of modern intellectual history, its interest in “defeated alternatives” (S. Ekshtut) and studies of the “dynamics of collective memory constructs” (A. Assman), which are formed in the symbolic signs and acted as cultural images for future generations.

Keywords: *essay, industrial novel, industrialization, alternative history, Urals*

REFERENCES

- Altrock U. The lost centre: Magnitogorsk revisited. *Journal of Urban Design*, 1998, vol. 3, iss. 2, pp. 201–224. DOI: 10.1080/13574809808724425 (in English).
- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoye lit. obozreniye Publ., 2014. (in Russ.).
- Baron J. The Cog That Slipped: Chiang Ching-kuo’s Russian Odyssey. *The Diplomat*, October 2018, iss. 47. Available at: <https://thediplomat.com/2018/09/the-cog-that-slipped-chiang-ching-kuos-russian-odyssey> (accessed: 03.05.2022). (in English).
- Dobrenko E. *Politekonomiya sotsrealizma* [Political economy of socialist realism]. Moscow: Novoye lit. obozreniye Publ., 2007. (in Russ.).
- Ekshtut S. A. *Bitvy za khram Mnemoziny: Ocherki intellektual'noy istorii* [Battles for the Temple of Mnemosyne: Essays on Intellectual History]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2003. (in Russ.).
- Enina L. V., Gramatchikova N. B. *Pervostroiteli Uralmasha kak performativnyy proyekt: konstruirovaniye zavodskoy identichnosti* [Uralmash pioneer builders as a performative project: constructing factory identity]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2021. (in Russ.).
- Goffenschefer V. [Competition with reality]. *O sovetskoy literature: kriticheskiye stat'i* [On Soviet literature: critical articles]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1936. (in Russ.).
- Gramatchikova N. B. [Proletarian tourist as an addressee of guidebooks: the formation of the historical and cultural landscape of the industrial Urals in the essays of N. Lovtsov in the 1930s]. *Tsifrovizatsiya kommunikativno-kul'turnoy pamyati: rol' zhurnalistiki kak sotsial'nogo instituta: sb. materialov Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiyem (Ekaterinburg, 25–26 aprelya 2019 g.): v 2-kh ch.* [Digitalization of communicative and cultural memory: the role of journalism as a social institution: collection of materials of the All-Russian sci. and practical conf. with international participation (Ekaterinburg, April 25–26, 2019): in 2 parts]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2019, part 2, pp. 22–29. (in Russ.).
- Gramatchikova N. B. [The history of the plant in ego-documents and literary texts]. *Ego-dokumenty: Rossiya pervoy poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia in the first half of the 20th century in inter-source dialogues]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy Publ., 2021, pp. 87–118. (in Russ.).
- Groys B. *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange]. Moscow: “Znak” Publ., 1993. (in Russ.).
- Ilchenko M. [Architecture of the Word: symbolic transformations of the soviet architectural avant-garde in public rhetoric]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2021, no. 1 (167), pp. 7–18. (in Russ.).
- Khan-Magomedov S. O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda: v 2 kn.* [The architecture of the Soviet avant-garde: in 2 books]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1996, book 1. (in Russ.).
- Konyshcheva E. V., Meerovich M. G. *Ernst Mai i proektirovaniye sotsgorodov v gody pervykh piatiletok: na primere Magnitogorska* [Ernst May and the design of socialist cities during the first five-year plans: on the example of Magnitogorsk]. Moscow: LENAND Publ., 2012. (in Russ.).

- Lübbe H. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoye prebyvaniye v nastoyashchem* [In Step with the Times. Brief stay in the present]. Moscow: ID VShE Publ., 2016. (in Russ.).
- Makarova N. N. [Construction of houses in Magnitogorsk (1953–1964)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2019, vol. 29, no. 1, pp. 37–45. (in Russ.).
- Meerovich M. G., Konysheva E. V., Khmel'nitsky D. S. *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR 1928–1932 gg.* [Cemetery of socialist cities: urban policy in the USSR 1928–1932]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).
- Osmukhina O. Yu., Makhrova G. A. [Specific genre of alternative history novel (on Russian prose material in 1990–2000s)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2013, vol. 1, no. 4, pp. 50–58. (in Russ.).
- Podlubnova Yu. S. [The Fantastic, utopian and historical in N. Lovtsov's novel "Canal" (1933)]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2013, iss. 7, vol. 2, pp. 291–296. (in Russ.).
- Putilo O. O. [Alternative image of Russia in alternate history fiction]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2020, vol. 55, pp. 151–162. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-151-162 (in Russ.).
- Putilo O. O. [On the genre boundaries of the Russian alternate history novel]. *Filologicheskiiy klass* [Philological class], 2019, no. 4 (58), pp. 181–186. DOI: 10.26170/FK19-04-23 (in Russ.).
- Veselkova N. V. ["Couldn't Say Anything Else"? I. G. Ehrenburg's Meeting with Sverdlovsk Party Activists in October 16, 1932]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2019, no. 1, pp. 225–258. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-225-258 (in Russ.).
- Veselkova N. V. [What did Ehrenburg do in Sverdlovsk? (About the 1932 trip)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VII Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem, posvyashchennoy 80-letiyu Istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ekaterinburg, 16–18 noyabrya 2018 g.* [Document. Archive. History. Modernity: Proceedings of the 7th All-Russian sci. and pract. conf. with international participation, dedicated to the 80th anniversary of the Faculty of History of the Ural Federal University. Ekaterinburg, November 16–18, 2018]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2018, pp. 372–381. (in Russ.).
- Zamostyanov A. [Lev Ovalov and Major Pronin]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia], 2010, no. 47, 23.02.2015. Available at: <https://litrossia.ru/item/4753-oldarchive/> (accessed: 03.05.2022). (in Russ.).

Для цитирования: Граматчикова Н. Б., Веселкова Н. В. «Куски какого-то еще не реализованного плана»: художественное осмысление истории в уральской очеркистике и прозе 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 112–121. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-112-121.

For citation: Gramatchikova N. B., Veselkova N. V. "Fragments of some not yet realized plan": understanding of history in the Ural essays and prose of the 1930s // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 112–121. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-112-121.